

**СУДЬБОНОСНЫЙ 1667 ГОД?
К ДЕБАТАМ О «ПРОРЫВЕ В НОВОЕ ВРЕМЯ»
МОСКОВСКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО
ГОСУДАРСТВА¹**

The article deals with the problem of historical periodization, i.e. the problem of dating the transition “from the old Tsardom of Muscovy to the Russian Empire of the early modern period”. The author seeks to find the difference between the periods and events that turn out to be crucial from those which do not and cites a number of facts: the Truce of Andrusovo, L. A. Ordin-Nashchokin’s economic and political reforms, Simeon Polotsky’s innovations in literature and arts, the Schism (Raskol) in the Russian Orthodox Church, and Stepan Razin’s rebellion, to show that a combination of major factors of political, social, cultural, economic and some other nature falls on the year of 1667 which marks the beginning of a new period in Russian history.

Keywords: 1667; Moscow centralized State; Russian Empire; Truce of Andrusovo; Raskol; Ordin-Nashchokin’s reforms; Simeon Polotsky’s innovations; Stepan Razin’s rebellion.

В книге отзывов штутгартского гастронома Иоганна Аллгайера находим под датой 26 октября 1667 г. запись Иоганна Готфрида Грегори, на тот момент второго пастора протестантской Офицерской церкви в Москве, в форме незамысловатой рифмовки – случайного стихотворения, не свободного от некоторых стереотипов о Российском государстве и его населении. В одном месте взгляд Грегори на его новую родину значительно отличается от представлений о России его немецких соотечественников, особенно когда последний пишет, «что в варварской стране ничего варварского нет» [Rauch, S. 3]. По мнению Грегори, из-за рубежа Россию воспринимали как «варварскую» страну, хотя это внешнее восприятие едва ли соответствовало внутреннему содержанию: здесь не было «ничего варварского» [Hueck, S. 324]². Грегори утверждает, что в России «варварское» сосуществует с ци-

¹ Исправленный и сокращенный вариант статьи: *Troebst St. Schwellenjahr 1667? Zur Debatte über den „Durchbruch der Neuzeit“ im Moskauer Staat // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte, Elitenwandel und Modernisierung in Osteuropa. 1995. 2. S. 151–172.*

² В одном из анализов данного стихотворения представлено мнение, что слово *fast* [*diene*], в отличие от сегодняшнего значения, употребляется здесь для усиления словосочетания «ничего варварского» в смысле «вообще ничего варварского».

визированным, московская традиция с западноевропейской Нового времени³, полагая, что ко времени написания этого стихотворения осенью 1667 г. новое несомненно преобладало над старым.

Весьма схожую позицию, подобную позиции современника пастора Грегори, включая датировку, можно найти в историографии, посвященной истории России. Как некую точку без возврата (*point of no return*), от которой начинается отсчет времени, переход от старомосковского царства к Российской империи Нового времени, называют именно этот год – 1667-й. Для обоснования данной точки зрения приводятся очевидные трансформационные процессы в государстве и обществе, церкви и культуре, экономике и внешних связях. Проанализируем их и представим некоторые размышления в пользу эпохального характера названного года⁴.

Четверть века назад социолог из Билефельда Никлас Луман высказался по поводу эпох и теории эволюции: «вехи в истории, а вместе с ней и качество нового, как правило, всегда преувеличиваются» [Luhmann, S. 25–26; цит. по: Bödeker, Hinrichs, S. 12]. Это высказывание соответствует *main stream* современной исторической науки, критикующей вместе с Бенедетто Кроче произвольную и субъективную природу любой хронологической классификации по эпохам и относящей такую исключительно в область «мнемотехнической заинтересованности» [Bayer, S. 124]. «Существует консенсус, – считают историки Ганс Эрих Бёдекер и Эрнст Хинрихс, – что периодизации необходимо рассматривать как арбитражные, искусственные определения» [Bödeker, Hinrichs, S. 13], так как якобы «ранее утверждавшиеся эпохальными события <...> потеряли в процессе исследований свое прежнее значение» [Ibid., S. 5]. Следовательно, согласно Иоганну Буркхардту, «... специфические ‘эпохальные даты’ <...> не играют в сегодняшней научной дискуссии никакой роли» [Burkhardt, S. 12]. Поэтому предложение Винфрида Шульце нашло такой живой отклик у коллег: «говорить не столько о проблеме “периодизации”, сколько о проблеме “процессуализации”» [Schulze, S. 22]. Соответственно начало и конец эпох Бёдекер и Хинрихс предлагают рассматривать «не как синхронное развитие нескольких процессов, но как сонм напряженных, взаимоотноносительных процессуальных линий» [Bödeker, Hinrichs, S. 43].

На вопрос о том, в чем же принципиальное отличие Нового времени от таких больших эпох европейской истории, как Античность и Средневековье, находятся, как и следовало ожидать, самые различные точки зрения. Среди многочисленных ответов можно выделить несколько блоков общепринятых критериев, имеющих силу и в отношении России. Во-первых, это включенность в «мировую евро-

³ См. по данным терминологическим парам: [Scheidegger; Klug, 1987, S. 265–289, 193–224].

⁴ Новый год начинался 1 сентября предыдущего года. Следовательно, если речь идет о 1667 г., то необходимо учитывать последние месяцы 1666 г. и первые – 1668 г. [ср.: Hoffmann, S. 235–240]. В последующем все хронологические даты соответствуют юлианскому календарю.

пейскую экономику» в процессе интеграции и многообразии связей; во-вторых, разделение трансформационного процесса политических систем в его абсолютистскую и либеральную части; в третьих, тенденции развития, для которых характерны такие понятия, как индивидуализация, гражданственность, рационализация, секуляризация и повсеместная грамотность. Соответствуя процессуальному характеру данных категорий, в центре внимания историков находятся не аспекты событийной дипломатической или политической истории, но идеи, владеющие умами, и такие процессуальные линии, как абсолютизм, современное государство, Ренессанс и Реформация [ср.: Skalweit; Kunisch, S. 150–161; Mieck, S. 357–373; Walder, S. 21–47].

И если в исторических исследованиях применяются не только процессуальные понятия, но и такие временные понятия, как век, новая эра, эпоха или великая эпоха (*Zeitalter, Ära, Epoche, Großepoche*), или более специфические термины: переломная эпоха, ключевая эпоха (*Sattelzeit, Achsenzeit, Schwellenzeit*), значит, несмотря ни на какую критику, ученые пользуются этими понятиями и занимаются периодизацией. Это происходит именно из соображений структурирования и схематизации исторического материала для его более лучшего понимания. В этой связи понятие «эпохального года» может быть отчасти реабилитировано, говоря в унисон с Иоганном Буркхардтом, считающим, что «“эпохальные годы”... это важные даты, выделенные из дидактических соображений и имеющие символическое значение для процессов, выражением которых они являются» [Burkhardt, S. 12]⁵. Несмотря на проблематичность их применения, а это именно консенсус, характерный для исследований раннего Нового времени, исторические размышления, облаченные в одеяние периодичности, остаются актуальными сегодня, как и тонкое разделение годов на разных уровнях, фигурирующих как «сигнатура» или «аббревиатура эпохи» из соображений мнемотехники, дидактики и удобства применения в практическом исследовании.

Рейнхард Виттрам сформулировал главный вопрос данной статьи: может ли считаться год 1667-й эпохальным в процессе трансформации Московской Руси в современное Российское государство: «Великое событие <...> которое легче обозначить иносказательно, чем назвать и объяснить» [Wittram, 1964, S. 67]. Так является ли 1667-й год той ключевой датой, должной символизировать желаемый качественный скачок?

Не в последнюю очередь ответ на этот вопрос затруднен тем, что с позиции традиционной трехчастной периодизации Античности, Средневековья и Нового времени она проблематична для восточнославянского (русского) пространства. Вопрос о том, имела ли Древняя Русь в своих основах античные начала, заимствованные из Византии, живо дискутируется сегодня⁶. Нет единого мнения и по по-

⁵ Другой немецкий историк, исследующий эпоху раннего Нового времени, указывает на «во многом значимый 1660», чтобы обосновать начало своего повествования именно этим годом [Duchhardt, S. 31].

⁶ В то время как Вернер Филипп считает, что, «несмотря на критику традиционной

воду дальнейшей спецификации Нового времени на такие подразделения, как раннее Новое время или современная история (*Frühe Neuzeit*, или *Zeitgeschichte*) [см.: Zernack, HGR, 2/1, S. 1–7; Hellmann, S. 1–7]. При этом наибольшие расхождения имеются прежде всего относительно начала Нового времени, и здесь мы можем найти самые различные ответы. Историки, занимающиеся вопросами демографии, экономики, дипломатии, техники и права, делают совсем другие акценты по сравнению с теми, кто занимается историей церкви, культуры, политики и дипломатии этого крупного региона. Имеющиеся предложения по периодизации простираются от рубежа XV–XVI вв. до середины XVIII в. Один из основателей русской исторической школы Сергей Соловьев, отталкиваясь от понятия крепостного права, выделяет в русской истории два главных периода «старой России», основным признаком которой является прикрепление крестьян, и «новой России», характерной чертой которой является освобождение крестьян [Соловьев, 1988, с. 55; 1991, с. 103]. Между двумя этими эпохами существует время перемен с начала XVII до середины XVIII в. Согласно концепции Соловьева, основные черты инкубационного периода Нового времени и вступления России в систему европейских государств – ориентация на западные образцы в культуре, экономике и технологиях, в области военного дела и государственного аппарата, а также амбициозная попытка «в страну сел внести город» [Соловьев, 1991, с. 102–103].

Трехчастную модель с пограничным 1750 г., а также предшествующим ему 1600 г. значительно модифицировал его ученик Василий Ключевский. Согласно его концепции, «основным фактом» русской истории были переселение, колонизация страны, а не закрепощение крестьян. Исходя из этого понятия, Ключевский выделил четыре основных периода [см.: Ключевский, 1987, с. 50–53]. Три из них приходились на Киевскую и Московскую Русь; четвертому отведено время новейшей истории с пограничными вехами 1613 г. (год вступления на престол первого царя новой династии Романовых) и 1855 г. (Крымская война). «Этот период всероссийский, императорско-дворянский, период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского» [Там же, с. 52], был для московского историка «не просто период, а целая цепь эпох. <...>. Это не один из периодов нашей истории: это – вся наша новая история» [Ключевский, 1988, с. 5]. Кроме того, Ключевский признавал за 1689 г., началом безраздельного царствования Петра I, характер ключевого события [Там же, с. 341].

Обе даты (1613 и 1689) ввел в свой программный «План религиозной периодизации русской истории» Вернер Филипп, выбрав также трехчастную периодизацию Соловьева. Между древнерусской эпохой, для которой была характерна традиция византийской набожности,

периодизации, делящей «европейскую» историю на древнюю, средневековую и новую, мы не можем применить ее в случае с историей России, так как в ней нет генетический связи с Античностью», один из его учеников возразил: «Древняя Русь также располагала – несмотря на некоторые легенды прошлого и современности – через Византию антично-европейским наследием» [см.: Philipp, 1983, S. 10; Torke, HGR, 2/1, S. 201].

и Новым временем в России, для которого характерно автономное мышление, он располагает эпоху раскола, или «эпоху дуализма веры» [Philipp, 1983, S. 10, 13, 16], которую он обозначил «переходным периодом» [Ibid., S. 19]. При этом он выявил противоречивое заключение своего берлинского ученика и последователя Ганса-Иохима Торке, заявлявшего категорически, указывая на реформы допетровского времени, что XVII столетие ни в коем случае нельзя называть переходным, так как «оно уже является “началом Нового времени в Московской Руси”». Называть его “переходным” неправильно, так как оно неточно и часто применяется в уничижительном значении как “переходное столетие”. Те же, кто пользуются именно этим определением, определяют начало Нового времени более поздними датировками и переносят их непосредственно во время Петра Великого. Такая точка зрения, даже признавая систематический и форсированный характер Петровских реформ по модернизации, более не может быть признана достаточно обоснованной» [Torke, HGR, 2/1, S. 12; Wittram, 1954].

Периодизация самого Торке состоит из четырех временных отрезков, ориентирующихся на социально-политическую историю: автократия 1462–1676 гг., автократический абсолютизм 1676–1762 гг., просвещенный абсолютизм 1762–1861 гг., поздний абсолютизм 1861–1906 гг. [Torke, 1986, S. 49]. Соответственно граница эпох отодвинута Торке в допетровское время. Несомненно, первые отчетливые признаки европеизации видны уже в первой половине XVII в.: полки «иноземного строя», рекрутировавшиеся в том числе из иностранных наемников, строительство железоделательных мануфактур с помощью нидерландских и шведских предпринимателей и специалистов. И все же в середине XVII в. «старое и новое находилось [еще] в равновесии» [Ibid., S. 42]. «Переломным моментом» стал, согласно нарисованной перспективе, 1676-й г., когда на трон взошел царь Федор Алексеевич: «Начало Нового времени может быть отнесено к 1676 году, если уж необходимо назвать какую-то дату, с началом его царствования» [Ibid., S. 43].

Берлинский историк основывает свое мнение на том, что новый царь руководствовался идеями «натурального права» и принципами рационального мышления, помогавшими ему переломить доминирующую в Московской Руси традицию православной набожности и ввести абсолютистскую традицию патерналистского государя – царя-батюшки [Torke, 1986, S. 42]⁷.

Еще дальше отодвинули границу *take-off* в Новое время, хотя и осторожно, североамериканские историки Русской церкви и литературоведы. И Вильям Эдвард Браун, и Пол Бушкович отдали свое предпочтение 1645-му г. как переломному, а именно времени начала царствования Алексея Михайловича [см.: Brown, p. 61; Bushkovitch, p. 176–178].

⁷ Автор пересмотрел свою точку зрения, представленную в 1974 г., согласно которой XVII в. «полностью относится к эпохе Древней Руси»: «Согласно духу времени, Новое время начинается... лишь с Петра Великого и его политики, преследующей цель заменить православную набожность на западную автономию разума» [Torke, 1974, S. 7].

Значительно отличается от этих периодизаций материалистически ориентированная историографическая традиция, полагающая видеть «Россию на пороге Нового времени» уже в начале XVI в. [см.: Зимин; Donnert; Kämpfer, S. 504–524; Nitsche; Kämpfer, Stökl, S. 853–960]. Данная точка зрения почти полностью совпадает с периодизацией западной традиции экономической истории России. Так, Элизабет Хардер-Герсдорф относит на границу XV–XVI вв. доиндустриальную эпоху, или раннее Новое время, характеризующееся в XVII в. протоиндустриальной продукцией, а в XVIII в. – протокапиталистической формой производства. Собственно, Новое время у нее начинается в первое десятилетие XX в. [см.: Harder-Gersdorff, S. 91].

Различные схемы по периодизации истории России, прежде всего касающиеся начала Нового времени, могут сильно отличаться друг от друга в зависимости от тематики. И все же на основании обзора можно сделать вывод, что почти во всех названных моделях по периодизации именно XVII в. называется переломным, ведь на его вторую половину с незначительными вариациями и приходится тот самый «прорыв в Новое время».

Наиболее значимыми годами называются в различных интерпретациях по периодизации в «беременном» Новым временем XVII в. – 1613, 1689 и, согласно Торке, 1676 гг. Как было упомянуто вначале, некоторые специалисты по истории России относят данное эпохальное событие на 1667 г. Особенно активно в пользу 1667 г. выступил североамериканский историк культуры Джеймс Биллингтон: «Наиболее драматичное событие в истории XVII века» [Billington, p. 124]; «решительный момент в исчезновении старой Московии» [Ibid., p. 125]; «формальным концом которой было принятие на церковном соборе 1667 года схизмы... обозначившей точку невозврата в русскую историю» [Ibid., p. 121]; «1667 год... был во многих смыслах началом нового порядка в России» [Ibid., p. 144]. Данная точка зрения о судьбоносном характере этого года в религиозном и духовно-культурном плане находит все больше приверженцев сегодня. «Московский собор 1666–1667 гг., – констатировал Александр Панченко, – одобрил европейский путь развития русской культуры... в результате которого Древняя Русь превратилась в Новую Россию» [Панченко, с. 2]. Это предположение, подкрепляющееся выкладками прежде всего историков литературы, указывающих на круг деятельности и влияние светски-прозападно ориентированного монаха, публициста и педагога Симеона Полоцкого.

Уже Соловьев называл Московский собор событием эпохального значения, подчеркивая его мощное влияние [Соловьев, 1991, с. 114]. Однако еще более важное значение историк отводит Андрусовскому перемирию, означавшему «тектонический сдвиг» в системе государств Восточной и Северной Европы в пользу Москвы. Согласно Соловьеву, благодаря этому договору закончилась «великая борьба между Россией и Польшей» [Там же, с. 181]. Благодаря этому у царя

были развязаны руки как для решения внутривосточных задач, так и для борьбы с Османской империей, а также для возобновления попыток выхода к Балтийскому морю. Андрусовский договор от 20 января 1667 г. делает вывод Соловьев, является той чертой, которая отделяет старую Россию от новой [Там же]⁸.

В заключение приведем мнение еще одного североамериканского историка, Самюэля Х. Барона, для которого 1667 г. также является переломным (*a banner year*). Кроме факта выгодного договора с Польшей, он приводит дополнительные аргументы. Так, имелся целый ряд многообещающих нововведений меркантильного и технологического характера, включавших потенциально выгодные новые регуляторы внутренней, внешней и транзитной торговли, а также был задуман амбициозный проект по строительству морского флота. Движущей силой этих инноваций было доверенное лицо государя, главный управитель Посольского приказа Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин [Baron, p. 2].

Согласно представленным выкладкам, множество авторов опирается в своей аргументации на одно или два важных события, чтобы подчеркнуть особенное значение именно 1667 г, поэтому в последующем изложении попытаемся выяснить, в каком соотношении и какой взаимосвязи состояли все эти события и процессы и нельзя ли выявить какие-либо дополнительные важные факторы, изменения и тенденции развития, нашедшие свое завершение в этом году или берущие в нем свое начало.

Предваряя выводы, скажу, что события этого года затрагивали, как правило, лишь высшие слои государства и общества – царский двор, боярство, центральные приказы, церковное руководство, а также региональные элиты. Выражаясь словами институциональной социологии, эффект *trickling through* был достаточно слабым, *nerves of government* в вертикальном направлении, благодаря специфике политической системы Московского государства, вялыми⁹.

Автократический принцип значительно укреплял центральную власть, одновременно ослабляя связи с периферией огромной подвластной территории. Еще более сильно эффект изоляции проявлялся между центром власти и без того маргинальным негосударственным сектором. Пропасть между верхом и низом в обоих случаях была огромной. Наличие бинарной системы слабо сообщающихся между собой областей государства, почти не имеющих промежуточных ступеней, затрудняло

⁸ В. О. Ключевский также отводил большую роль Андрусовскому перемирию, которое произвело «крутой перелом во внешней политике Москвы» [Ключевский, 1988, с. 115].

⁹ Исключения подтверждают правило. Когда Алексей Михайлович приказал в 1667 г. тобольскому воеводе Петру Годунову составить первую географическую карту Сибири, то получил уже через несколько месяцев карту, нисколько не уступающую западноевропейским стандартам [Vagrow]. Первое систематическое описание политического устройства Московского государства Григория Карповича Котошихина, законченное в 1667 г., хотя и не было критичным, но все же с некоторым уровнем рефлексии [см.: Uroff; Kotošixin; Epstein; Weickhardt, S. 127–154].

распространение трансформационных импульсов вглубь [см.: Torke, 1974]. Неудивительно, что значительные изменения среди элиты русского общества могли остаться незамеченными в «стране сел» Соловьева, в то время как «город» играл второстепенное значение и не мог быть тем трансмиссионным механизмом между новым и старым.

При этом неординарность такого события, как Андрусовское перемирие, была отмечена и иностранными современниками. Договор положил конец Второй Северной войне, которую Алексей Михайлович начал в 1654 г. против Речи Посполитой во время большого кризиса на Украине в середине века. В Андрусово московской дипломатии удалось достичь не только главной цели, поставленной в войне (возвращения западных земель, потерянных в Смутное время), но и получить все земли восточнее Днепра вместе с Киевом¹⁰. Тем самым был сделан значительный и символический шаг в осуществлении поставленной Иваном III в конце XV в. задачи «собираания русских земель» [Zernack, 1994, S. 24]. Кроме того, интеграция «западнолатинской» Восточной Украины не обошлась и без обратного влияния на центр власти. Наряду с глубокими последствиями внутри страны и для русской культуры перемирие сильно изменило архитектуру системы государств Восточной Европы. В первую очередь оно показало очевидную слабость Речи Посполитой, не способной выполнять далее роль гегемона в Восточной Европе. Более того, с этого момента начинается постепенная аннексия польско-литовской территории в пользу восточного соседа, закончившаяся в 1795 г. В среднесрочной перспективе договор разграничивал в приемлемой форме интересы обеих сторон, что позволило на какое-то время объединить усилия обоих государств против Османской империи и ее вассала – Крымского каганата – в Северном Причерноморье. Сближение с Польшей позволило также пересмотреть ряд территориальных вопросов по отношению к Швеции. Первая попытка выхода к Балтийскому морю в 1656 г. была предпринята при неблагоприятных условиях войны на два фронта против Швеции и Польши. Теперь Польша была союзником. Но понадобилось еще три десятилетия, чтобы окончательно переломить ситуацию на юге страны, нейтрализовав наконец стремление Турции на Север (*Drang nach Norden*), и начать движение России по захвату владений Швеции на Балтике. Доведя Великую Северную войну до победного конца, Петру I удалось поставить точку в предложении, начатом в 1667 г. Андрусовским перемирием. Россия из «второстепенного приграничного государства» (*Randstaat*) превращается в гегемона (*Hegemonialmacht*) – именно такой терминологической парой в титуле был поставлен главный акцент в соответствующем томе справочника по истории России¹¹.

Достижение компромисса с Польшей было необходимой предпосылкой для защиты от турок и татар и для победы над Швецией. Тем самым был заложен фундамент для возвышения России сначала в

¹⁰ О генезисе, содержании и последствиях договора см.: [O'Brien, 1963, S. 119; Wójcik, 1959; 1968].

¹¹ Handbuch der Geschichte Rußlands (HGR).

роли регионального лидера, а затем и великой державы на континенте. Именно Андрусово стало решающим фактором в период с середины XVI до начала XIX в. в «эпоху... Северных войн», как обозначил это время Клаус Цернак. Уже современники понимали эпохальное значение мирного договора де-факто в Андрусово. С этого времени в представлении европейцев (*christliches Abendland*) восточная граница Европы ассоциируется не с такими странами, как Швеция, Польско-Литовское княжество и Османская империя, а прежде всего с Россией. Изменение статуса последней отразилось и в ее названии – в Европе ее больше не называют «Московией»¹².

Заслуга столь необычайно выгодного мирного договора с Польшей принадлежит внешнеполитическому советнику Алексея Михайловича Ордину-Нащокину. Особое доверие к нему царя выразилось в назначении последнего боярином и главным управителем Посольского приказа с громким титулом «царской большой печати и государственных великих посольских дел сберегателя», т. е. высшим чиновником в должности, соответствующей должности государственного канцлера [Torke, HGR 2/1, S. 101]. Среди различных *homines novi*, назначенных Алексеем Михайловичем в 1667 г. на высокие должности, Ордин-Нащокин был самым динамичным. Этот «первый современный человек России» [Karl Stählin, S. 99]¹³ имел теперь возможность, реализовать свои представления о новой политике по отношению к Западу, во внутренней и внешней торговле, в системе налогообложения, организации городского управления¹⁴. Подобно основателям теории меркантилизма, «русский Ришелье» [Fahlborg, S. 25] увидел четкую взаимосвязь между военной-политической мощью государства и его эффективной торговой и финансовой политикой. Главной линией во внешнеполитической деятельности Ордина-Нащокина было тесное взаимодействие с Польшей для подготовки преодоления оборонительного пояса крепостей Швеции на Финском заливе и в Лифляндии¹⁵. «Нащокин, – сообщал в 1667 г. шведский резидент в Москве Адольф Еберскёльд, – является тайным врагом Швеции. Он планирует много нового, но ничего хорошего» [Fahlborg, S. 25].

В тесной связи с планами Ордина-Нащокина на побережье Балтийского моря находилась программа по строительству военного флота наряду с торговым. Выход к Балтийскому морю и строительство фло-

¹² К. Цернак отмечал, что Андрусово обозначило собой начало «размосковитизации» дипломатического статуса России в Европе, что означало первый шаг к «русификации» сознания русских [HGR, 2/1, S. 145]. Современники наблюдали резкое изменение в поведении московских дипломатов в 1667 г.: они больше не были одеты в «московские платья», но носили «teutsche» (немецкое) и повергали своих бранденбургских, венецианских и других партнеров по переговорам в удивление своей «хорошей немецкой и голландской речью» [см.: Welke, 1987, S. 284].

¹³ А. Л. Ордин-Нащокин был первым государственным человеком, делившим вместе с царем ответственность за принятие политических решений. В то же время стиль его работы был необычным для его современников, когда он делегировал задания своим подчиненным [см.: Платонов, с. 120–122; Crumme, S. 57; Галактионов, Чистякова].

¹⁴ См. о его политических взглядах: [O'Brien, 1969, S. 369–379; 1976, S. 209–222].

¹⁵ Ордин-Нащокин не уделял должного внимания украинским делам, почему царь передал это направление внешней политики в другие руки [см.: Torke, 1992, S. 50–51].

та были главной целью реформ «первого русского канцлера», основанных на идеях меркантилизма [Фейгина, с. 35–46]. С одной стороны, речь шла о правовой, политической и экономической поддержке отечественного купечества по отношению к государству и иностранным предпринимателям, с другой – об использовании выгодного транспортно-географического положения России в качестве транзитной страны для международной торговли между Ближним Востоком, Средней Азией и Западной Европой [см.: Чистякова, 3–57; Курсков]. Сразу же по вступлении в должность Ордин-Нащокин придает этим направлениям реформ законодательную и договорную формы. 22 апреля 1667 г. издается Новоторговый устав, разрешавший иностранным купцам торговать лишь в приграничных и портовых городах, отдавая, таким образом, полное преимущество на внутреннем рынке русскому купечеству [см.: Черепнин, с. 303–356; Базилевич, с. 589–622; Андреев, с. 303–307; Чистякова, с. 102–126; Козинцева, с. 94–100; Heller].

Однако в самом главном пункте Ордин-Нащокин сделал исключение для транзитной торговли между Востоком и Западом: так как российское купечество не обладало достаточным капиталом и не располагало сильной организацией, чтобы играть роль посредника в этой торговле, так и в связи с нейтрализацией европейских купцов северо-западного направления, которым был запрещен въезд или проезд через страну, должны были быть найдены иные посредники [см.: Troebst, S. 180–209.]. Это удалось ему в договоре с армянской торговой компанией в персидской столице Исфахане 31 мая 1667 г. Армянские купцы получили доступ к российскому внутреннему рынку и к главным центрам торговли с Западной Европой – Архангельску, Новгороду и Смоленску, а также право провозить торговые грузы транзитом на Запад.

В ответ армянская компания, владевшая монополией во внешней торговле персидским шелком-сырцом, обязывалась изменить торговый путь, пролежавший до этого времени через мыс Доброй Надежды и страны Леванта в Европу, через Каспийское море, Волгу и Москву [Собрание..., с. 204–208]. И хотя этот договор удачно вписывался в новую внешнеторговую политику России, шах был не меньшим противником Оттоманской империи, чем русский царь или польский король, и, несмотря на сам договор, никакого движения товаров в пользу его исполнения не последовало. Тому причиной было разразившееся на юге страны в начале 1667 г. восстание донских казаков, дестабилизировавшее регион. Повстанческое войско атамана Степана (Стеньки) Разина перечеркнуло и другой план Ордина-Нащокина – строительство российского морского флота. Для обеспечения безопасности запланированного торгового пути через Каспийское море Ордин-Нащокин распорядился построить с помощью нидерландских кораблестроителей и инженеров флотилию морских судов, которая попала в руки бунтовщиков и была сожжена [см.: Varon].

Лишь Петру I удалось получить доступ к Балтийскому морю, обезопасить и взять под контроль российскую внешнюю и транзитную

торговлю, придать русскому городу новый облик. Предприятие, задуманное Ординым-Нащокиным, было, безусловно, не из легких, и не следовало ожидать быстрых результатов в экономической и общественной жизни. С учетом всех этих трудностей тем более удивляют высокий уровень понимания проблем меркантилистской торговли, с которыми столкнулся Ордин-Нащокин, и его взрывная энергия, с которой он взялся за реформы в 1667 г.

Одновременно с поручением Ордину-Нащокину главных направлений центральной власти в области внешней политики и торговли Алексей Михайлович допустил в свое ближайшее окружение еще одного реформатора и просвещенного деятеля, уже упомянутого ранее, талантливого литератора, философа и педагога Симеона Полоцкого. В качестве придворного поэта, а с 1667 г. священника дворцовой церкви и воспитателя царских детей Симеон Полоцкий существенно изменил интеллектуально-духовную атмосферу при царском дворе. Получивший свое образование в Киеве и Белоруссии, монах обращался в своих многочисленных стихах прежде всего к античным литературным образцам, облакая их в европейскую барочную форму. Примером тому служит панегирическая поэма «Орел российский», написанная к 1 сентября 1667 г., после объявления Алексеем Михайловичем своего старшего сына Алексея престолонаследником. Здесь Симеон сравнивал царя и царевича с другими «идеалами», тоже справедливыми и строгими монархами, прежде всего с Александром Македонским и Юлием Цезарем. Согласно советскому историку литературы Александру Белецкому, положившему в 1941 г. начало дискуссии о переходе от «древнерусской литературы» к «новой», поэма «Орел российский», благодаря ее связям с античной литературой и западноевропейской традицией, ознаменовала собой начало «новой русской литературы» [Демин, с. 6]. В политическом плане поэма также представляла нечто принципиально новое, так как содержала в себе в сжатой форме правительственную программу Алексея Михайловича и его канцлера Ордина-Нащокина: внутри царства Российского, таково пожелание Симеона, должен царить мир; государственные границы должны были в будущем расширяться; доступ к морю в конечном итоге непременно должен был быть получен [см.: Елеонская, с. 196–198].

Симеон Полоцкий произвел в том же 1667 г. совместно с ведущим русским иконописцем своего времени Симоном Ушаковым переворот в изобразительном искусстве. Была нарушена традиция древнерусского иконописания, делавшего ударение на религиозном символическом содержании. Теперь в центре внимания зачастую оказывались внецерковные фигуры и лица, изображавшиеся с анатомической точностью, что находило безоговорочную поддержку со стороны царя, заказавшего Ушакову в том же году совместно с одним нидерландским художником расписать Грановитую палату Московского кремля мотивами из греческой мифологии [Longworth, p. 187]. Обращение в духе Ренессан-

са к греческой и римской мифологии наложило свой отпечаток на другой большой строительный проект, начатый по приказанию царя в том же 1667 г. В селе Коломенском, служащем воротами Москвы, в основание здания дворца был заложен камень со словами Симеона Полоцкого «восьмое чудо света». При этом необычной была не столько внешняя форма со свойственной ей комбинацией традиционной резьбы по дереву и западных канонов каменного зодчества [Ильин, с. 193–195], сколько многочисленные внутренние помещения с богатой отделкой, украшенные вместо икон портретами тех же Юлия Цезаря, Александра Македонского и его противника Дария III [Billington, p. 149]. Необычным было и освещение нового дворца со множеством окон, световых отверстий в потолках и зеркал, а также наличием бань и даже детской комнаты наподобие большого зала, указывавшими на резкий отход от традиций древнерусского зодчества [Longworth, p. 187–189].

В противоположность реформаторской деятельности Ордина-Нащокина, носившей исключительно светский характер, Симеон Полоцкий вторгся в область интересов, которая была под контролем исключительно церковной власти. Причиной тому было ослабление монопольной власти Русской православной церкви в духовной жизни и культуре после раскола, произошедшего в 1667 г., на реформаторов и традиционалистов (староверов). Официальная церковь потеряла свою политическую автономию. Отныне жизнь православной церкви определяла светская власть. В этом смысле 1667-й означал для православной церкви России двойное поражение [Torke, HGR, 2/1, S. 209]. И то и другое – потеря власти и раскол – берут свое начало с патриаршества Никона (1652), который как приближенное лицо царя ставил его в известность о всех своих начинаниях по поводу реформ церковного устава и изменений текстов Священного Писания и литургий в сторону сближения их с греческим оригиналом, противопоставляя себя значительному числу оппозиционно настроенных верующих [Cherniavsky, p. 3]. Кроме того, можно предположить, что властный первосвященитель не был чужд мысли укрепить свое положение при царе в роли соправителя, а значит, стать вторым лицом в государстве. Так, он лично называл себя Солнцем, дарящим Земле, т. е. царю, свет, ставя, таким образом, церковную власть выше светской, пользуясь современной ему картиной космоса, известной в Западной Европе. В 1658 г. произошел конфликт с Алексеем Михайловичем; в результате чего Никон ушел в знак протеста обратно в монастырь, не отказавшись при этом от патриаршества. Конфликт патриарха с царем, а также церковные реформы Никона были предметом разбора на Большом Московском соборе, проходившем с осени 1666 г. до лета следующего. Собор лишил Никона патриаршего сана и подверг ссылке, признав, однако, реформы последнего. Так как староверы по-прежнему продолжали свое сопротивление, собор отлучил протопопа Аввакума и лидеров раскольнического движения из его окружения от церкви. Роль обвинителя Аввакума на Соборе выпа-

ла Симеону Полоцкому, написавшему против раскольников в том же году полемический трактат в духе абсолютизма «Жезл правления».

Отлучение от церкви харизматичного Аввакума привело к открытому, отчасти вооруженному сопротивлению внутрицерковного антиреформистски настроенного оппозиционного лагеря по отношению к официальной церкви и государству. Не только крепко держась за старый порядок литургии, но и протестуя против греческого, латинского и западного влияний, примерно 500 монахов-раскольников Соловецкого монастыря в Белом море воспротивились в 1667 г. указаниям нового патриарха Иосафа и не повиновались приказам царя. В следующем году это перешло в открытое восстание, и лишь после почти десятилетней осады царские войска смогли сломить сопротивление восставших и взять бастион раскола.

Так же отчетливо, как и во внешней политике, на примере отношений между государством и церковью, между официальной церковью и диссидентами и между православием и светской культурой 1667-й год стал водоразделом, разделяющим время на «до» и «после», Московскую Русь и новую Россию. Можно с уверенностью сказать, что роль староверов в расколе и потере власти церковью несомненна. неповиновение монахов Соловецкого монастыря было ответной реакцией на новые формы западного мышления и мировосприятия. Напротив, все не так однозначно в отношении причин разразившегося в 1667 г. и еще более опасного для интеграции страны восстания. Одновременно с кризисом на севере с начала года на юге страны потенциал социального недовольства вылился в угрожающие формы насилия. Здесь, в Диком поле, между сферами влияния царя и султана с его татарским вассалом в Крыму, на Дону селились казаки, жившие по своему уставу и несшие царскую службу по защите рубежей России. Население этого региона значительно выросло с середины столетия. Одной из причин этого было Соборное уложение 1649 г., имевшее свою юридическую силу вплоть до XIX в., одна из статей которого гласила, что почти 95 % подданных царя, а именно крестьян, теряло право смены господина, т. е. было окончательно закрепощено. Как следствие, сильно возросло число беглых – холопов и уездных крестьян, в том числе и на Дон, что привело к перенаселению региона, недостатку продовольствия и голоду. Напряженное положение еще более ухудшилось в 1666 г. после подписания перемирия в Андрусово, когда масса наемных солдат царской армии подалась на Дон. В начале 1667 г. предводитель казаков Степан Разин призвал казацкую голытьбу в поход «за зипунами» в низовья Волги, вплоть до персидского побережья Каспийского моря [см.: Torke, 1985, S. 314–315; Khodarkovsky, p. 1–19].

Этот поход не особенно отличался бы от других подобных походов, если бы не захват Астрахани и низовий Волги. Окрыленный успехом Разин решил продолжить грабительский поход с далеко идущими планами – поднять всеобщее крестьянское восстание, захватить Москву и власть в государстве. После первоначальных удач вой-

ско казаков в 20 тысяч сабель было разгромлено царскими войсками, Разин взят в плен и казнен. И хотя казацкий атаман имел очень приблизительную политическую программу, ему удалось создать реальную угрозу власти Алексея Михайловича не только в военном, но и в политическом плане. С одной стороны, казаки Степана Разина поддерживались и пополнялись раскольниками, с другой – последний поддерживал связи с монахами Соловецкого монастыря и даже пустил слух о присутствии в походе смещенного патриарха Никона. Также он утверждал, что его союзником является к тому времени уже почивший наследник престола Алексей Алексеевич, которому он готов помочь как «настоящему царю» взойти на престол вместо якобы ослепленного западным влиянием Алексея Михайловича. Эти утверждения мало отражали истинное положение дел, но играли широкую пропагандистскую роль.

Образ мышления Разина можно определить как традиционный, и связь его с реформатором церкви Никоном никоим образом здесь ничего не меняет. Поэтому движение восставших не было предвестником чего-то нового, напротив, оно было реакцией на нововведения и трансформационные процессы в России XVII в. Новый имперский тон со стороны Москвы после Андрусово, а также закрепощение крестьян послужили для казаков основными раздражающими факторами. Усиление института крепостничества резко противоречило тенденциям развития в других регионах континента. Но ни восстание Разина, ни другие протестные движения русских крестьян не привели к облегчению их участи. Нарастающее движение беглых крестьян на юг России не прекратило, а только еще более усугубило, выражаясь словами Виттрама, «государственное использование живой субстанции» на протяжении десятилетий и веков [Wittram, 1964, S. 52]. Только с середины XIX в., когда возникла реальная угроза статусу России как великой державы, была сделана попытка снять социальное напряжение посредством гражданских реформ и освобождения крестьян.

Берущие свое начало в 1667 г. бунтарские движения на севере и юге России в XVII в. не были чем-то необычным ни по своему размаху, ни по степени опасности; не случайно современники называли его «бунташным веком» [см.: Варенцов, Коваленко]. Необычной была одновременная вспышка двух очагов волнений, связанных между собой, что сулило новые угрозы внутреннему порядку.

На вопрос, является ли 1667-й год переломным, эпохальным или даже «прорывом в Новое время», положительно ответили историки от Соловьева до Барона, при этом отдавая предпочтение одному или нескольким аргументам политического, общественного, культурного, экономического и прочего характера.

Как мы попытались показать, количество уровней в государстве и обществе, подвергшихся трансформационным процессам, было большим, чем это предполагали названные авторы; кроме того, все эти процессы были в той или иной мере взаимосвязанными. В 1667 г.

различные линии развития не только пересеклись, но и тесно сплелись в один клубок проблем, так что этот год можно по праву считать переломным и особенным в процессе перехода в Новое время. Традиционные барьеры рухнули одновременно в нескольких областях: изоляция Украины и Киева, ее столицы и духовного центра, закончилась с расширением границ; одновременно с этим позиция Русской православной церкви стала уязвимой, а ее монополия на духовную жизнь, культуру и образование – ограниченной. Непримируемая позиция церкви и блокирование настроенных на реформы политиков, занявших ключевые государственные посты, не принесли ожидаемых результатов. Благодаря влиянию таких неординарных личностей, как Ордин-Нащокин и Симеон Полоцкий, изменился духовный климат при царском дворе, настрой части элиты и представителей формирующегося государственного бюрократического аппарата. Очевидным доказательством этого является пример царских детей и наследников Алексея Михайловича – Софьи, Федора и Петра, просвещенных по западным образцам. Уже В. О. Ключевский подчеркивал «значение московских государственных людей: они не только создали атмосферу, в которой вырос и которой дышал преобразователь, но и начертали программу его деятельности» [Ключевский, т. 3, с. 341]. С проникновением в узкий круг представителей власти западноевропейского образа мышления и с его утверждением процесс европеизации стал необратимым, а дух западничества неискоренимым.

Именно эта необычайная «скорость изменения» на нескольких уровнях одновременно вызвала как у современников, так и у более поздних наблюдателей «впечатление ускорения истории», которое Винфрид Шульце идентифицировал как основной признак эпохи Нового времени [Schulze, S. 20].

И все же остается открытым вопрос, насколько глубоким было проникновение европейского влияния и европеизация России. В социально-правовом контексте Восточная Европа, в отличие от «старой Европы», в которой развитие шло в сторону расширения прав и свобод личности, развивалась в диаметрально противоположном направлении. Поэтому воспользуемся распространенной метафорой для описания создавшейся ситуации в России 1667 г., когда «стакан европеизации» кажется нам наполовину полным, а стакан «старой России» – уже наполовину опорожненным. Именно эта одновременность неодновременного и побудила упомянутого московского пастора Грегори к написанию строк о том, что за все еще «нецивилизованным» фасадом России скрывалось в основном цивилизованное начало или, выражаясь его словами, «в варварской стране ничего варварского почти нет».

Андреев А. Новоторговый устав : к истории его составления // Исторические записки. 1941. № 13. С. 303–307. [Andreev A. Novotorgovyj ustav : K istorii ego sostavleniya // Istoricheskie zapiski. 1941. N 13. S. 303–307.]

Базилевич К. В. Новоторговый устав 1667 г. : к вопросу о его источниках // Изв. АН СССР, Отд-ние общественных наук. Сер. 7. 1932. С. 589–622. [Bazilevich K. V. Novotorgovyy ustav 1667 g. : K voprosu o ego istochnikakh // Izvestiya AN SSSR, Otd-nie obschestvennykh nauk. Ser. 7. 1932. S. 589–622.]

Варенцов В. А., Коваленко Г. М. Хроника «бунташного» века : очерки истории Новгорода XVII века. Новгород, 1991. [Varentsov V. A., Kovalenko G. M. Khronika «buntashnogo» veka : ocherki istorii Novgoroda XVII veka. Novgorod, 1991.]

Галактионов И. В., Чистякова Е. В. А. Л. Ордин-Нащокин, русский дипломат XVII века. М., 1960. [Galaktionov I. V., Chistyakova E. V. A. L. Ordin-Naschokin, russkij diplomat XVII veka. M., 1960.]

Демин А. С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977. [Demin A. S. Russkaya literatura vtoroj poloviny XVII – nachala XVIII veka. Novye khudozhestvennye predstavleniya o mire, prirode, cheloveke. M., 1977.]

Леонская А. С. Стихотворство и драматургия. Творчество Симеона Полоцкого (1629–1680) // История русской литературы XVII – XVIII веков. М., 1969. С. 180–203. [Eleonskaya A. S. Stikhotvorstvo i dramaturgiya. Tvorchestvo Simeona Polotskogo (1629–1680) // Istoriya russkoj literatury XVII – XVIII vekov. M., 1969. S. 180–203.]

Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени : (очерки политической истории России первой трети XVI века). М., 1972. [Zimin A. A. Rossiya na poroge Novogo vremeni : (ocherki politicheskoy istorii Rossii pervoj treti XVI veka). M., 1972.]

Ильин М. А. Архитектура // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 2. М., 1979. С. 170–207. [Il'in M. A. Arkhitektura // Ocherki russkoj kul'tury XVII veka. Ch. 2. M., 1979. S. 170–207.]

Ключевский В. О. Курс русской истории // Собр. соч. : в 9 т. Т. 1., ч. 1. М., 1987. [Klyuchevskij V. O. Kurs russkoj istorii // Sobr. soch. : v 9 t. T. 1, ch. 1. M., 1987.]

Ключевский В. О. Курс русской истории // Собр. соч. : в 9 т. Т. 3, ч. 3. М., 1988. [Klyuchevskij V. O. Kurs russkoj istorii // Sobr. soch. : v 9 t. T. 3, ch. 3. M., 1988.]

Козинцева Р. И. Практика применения Новоторгового устава // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России : сб. ст. к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961. С. 94–100. [Kozintseva R. I. Praktika primeneniya Novotorgovogo ustava // Voprosy sotsial'no-ekonomicheskoy istorii i istochnikovedeniya perioda feodalizma v Rossii : sb. st. k 70-letiyu A. A. Novosel'skogo. M., 1961. S. 94–100.]

Курсков Ю. В. Социально-экономические взгляды и государственная деятельность А. Л. Ордина-Нащокина (XVII век) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1958. [Kurskov Yu. V. Sotsial'no-ekonomicheskie vzglyady i gosudarstvennaya deyatel'nost' A. L. Ordina-Naschokina (XVII vek) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. L., 1958.]

Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984. [Panchenko A. M. Russkaya kul'tura v kanun Petrovskikh reform. L., 1984.]

Платонов С. Ф. Москва и Запад. Берлин, 1926. [Platonov S. F. Moskva i Zapad. Berlin, 1926.]

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 4. Док. 56. М., 1828. С. 204–208. [Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyayuschikhsya v gosudarstvennoj kollegii inostrannykh del. Ch. 4. Dok. 56. M., 1828. S. 204–208.]

Соловьев С. М. Предисловие // Соловьев С. М. Соч. : [в 18 кн.]. Кн. 1 : История России с древнейших времен. Т. 1–2. М., 1991. [Solov'ev S. M. Prediclovie // Solov'ev S. M. Soch. : [v 18 kn.]. Kn. 1 : Istoriya Rossii s drevnejshix vremen. T. 1–2. M., 1991.]

Соловьев С. М. Продолжение царствования Алексея Михайловича // Соловьев С. М. Соч. Кн. 6, т. 11–12. М., 1991. [Solov'ev S. M. Prodolzhenie tsarstvovaniya Alekseya Mikhailovicha // Solov'ev S. M. Soch. Kn. 6, t. 11–12. M., 1991.]

Соловьев С. М. Россия перед эпоху преобразования // Соловьев С. М. Соч. Кн. 7 : История России с древнейших времен. Т. 13–14. М. 1991. [Solov'ev S. M. Rossiya pered epokhu preobrazovaniya // Solov'ev S. M. Soch. Kn. 7 : Istoriya Rossii s drevnejshix vremen. T. 13–14. M., 1991.]

Фейгина С. А. Первый русский канцлер А. Л. Ордин-Нащокин // Исторический журнал. 1941. № 5. С. 35–46. [Fejgina S. A. Pervyy russkij kantsler A. L. Ordin-Naschokin // Istoricheskij zhurnal. 1941. N 5. S. 35–46.]

Черепнин Л. В. Памятники русского права. Вып. 7 : Памятники права периода создания абсолютной монархии, вторая половина XVII в. М., 1963. [Cherepnin L. V. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 7 : Pamyatniki prava perioda sozdaniya absolyutnoj monarkhii, vtoraya polovina XVII v. M., 1963.]

Чистякова Е. В. Новоторговый устав 1667 г. // Археографический ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 102–126. [Chistyakova E. V. Novotorgovyj ustav 1667 g. // Arkheograficheskij ezhegodnik za 1957 god. M., 1958. S. 102–126.]

Чистякова Е. В. Социально-экономические взгляды А. Л. Ордина-Нащокина (XVII век) // Сборник работ по истории. Воронеж, 1950. С. 3–57. (Тр. Воронеж. гос. ун-та ; вып. 20). [Chistyakova E. V. Sotsial'no-zkonomicheskie vzglyady A. L. Ordina-Nashchokina (XVII vek) // Sbornik rabot po istorii. Voronezh, 1950. S. 3–57. (Tr. Boponezh. gos. un-ta ; vip. 20).]

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона Т. 22. СПб., 1897. С. 123–124. [Entsiklopedicheskij slovar' Brokgaufa i Efrona. T. 22. SPb., 1897. S. 123–124.]

Bagrow L. A History of Russian Cartography up to 1800. Ontario, 1975.

Baron S. H. A. L. Ordin-Nashchokin and the Orel Affair. Explorations in Muscovite History, (Variorum Reprints), Hampshire, 1991. P. 1–22.

Bayer E. Wörterbuch zur Geschichte. Begriffe und Fachausdrücke, Stuttgart, 1980.

Billington J. H. The Icon and the Axe. An Interpretative History of Russian Culture. N. Y., 1966.

Brown W. E. A History of Seventeenth-Century Russian Literature. Ann Arbor (MI), 1980.

Bushkovitch P. Religion and Society in Russia // The Sixteenth and Seventeenth Centuries. N. Y. ; Oxford, 1992. P. 176–178.

Bödeker H. E., Hinrichs E. Alteuropa – Frühe Neuzeit – Moderne Welt? Perspektiven der Forschung // Alteuropa – Ancien Régime – Frühe Neuzeit. Probleme und Methoden der Forschung (problemata, 124). Stuttgart, 1991. S. 11–50.

Burkhardt J. Frühe Neuzeit 16 – 18. Jahrhundert. Grundkurs Geschichte 3. (Athenäum Taschenbücher, 7249). Königstein, 1985.

Cherniavsky M. The Old Believers and the New Religion // Slavic Review. 1966. 25. P. 1–39.

Crummey R. O. Aristocrats and Servitors. The Boyar Elite in Russia 1613–1689. Princeton, 1983.

Donnert E. Rußland an der Schwelle der Neuzeit. Der Moskauer Staat im 16. Jahrhundert. Berlin (Ost), 1972.

Duchhardt H. Das Zeitalter des Absolutismus. München, 1989. (Oldenbourg Grundriß der Geschichte ; 11).

Epstein F. T. Die Hof- und Zentralverwaltung im Moskauer Staat und die Bedeutung von G. K. Kotošichins zeitgenössischem Werk „Über Rußland unter der Herrschaft des Zaren Aleksej Michajlovič“ für die russische Verwaltingsgeschichte Hg. G. Specovius. Hamburg, 1978.

Fahlborg B. Sveriges yttre politik. 1668–1672. Bd. 1. Srockholm, 1961.

Harder-Gersdorff E. Rußlands Wirtschaft und der Westen in der Frühen Neuzeit ein Lehrstück? // Was ist Gesellschaftsgeschichte? : Positionen, Themen, Analysen. München, 1991. S. 91–101.

Heller K. Russische Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Bd. 1: Die Kiever und die Moskauer Periode (9. – 17. Jahrhundert). Darmstadt, 1987.

Hellmann M. Zum Problem der Geschichte Rußlands im Mittelalter // Handbuch der Geschichte Rußlands. Bd. 1 : Bis 1613. Von der Kiever Reichsbildung bis zum Moskauer Zartum. Hbd. 1. (HGR.1/1). Stuttgart, 1976 – 1981. P. 1–7.

Hoffmann P. Zeitrechnung und Kalender in der Geschichte Rußlands und der UdSSR // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas, 1986. 30. S. 235–240.

Hueck M. „Der wilde Moskowit“. Zum Bild Rußlands und der Russen in der deutschen Literatur des 17. Jahrhunderts / überblick. M. Keller (Hg.); mitarb. v U. Dettbarn und K.-H. Korn // Russen und Rußland aus deutscher Sicht, 9. – 17. Jahrhundert. München, 1985. S. 289–340.

Kämpfer F. Rußland an der Schwelle zur Neuzeit. Kunst, Ideologie und historisches Bewußtsein unter Ivan Groznyj // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas (JGO). 1975. 23. S. 504–524.

Khodarkovsky M. The Stepan Razin Uprising: Was It a „Peasant War“ // JGO. 1994. 42. S. 1–19.

Nitsche P. „Nicht an die Griechen glaube ich, sondern an Christus“. Russen und Griechen im Selbstverständnis des Moskauer Staates an der Schwelle zur Neuzeit. Düsseldorf, 1991. (Studia humaniora. Series minor ; 4).

Kämpfer F., Stökl G. Rußland an der Schwelle der Neuzeit. Das Moskauer Zentrum unter Zar Ivan IV. Groznyj // HGR. 1/2. S. 853–960.

Klug E. Das „asiatische“ Rußland. Über die Entstehung eines europäischen Vorurteils //

- Historische Zeitschrift. 1987. 245. S. 265–289.
- Klug E. „Europa“ und „europäisch“ im russischen Denken vom 16. bis zum frühen 19. Jahrhundert // *Saeculum*, 1987. 38. S. 193–224.
- Kotošixin G. *O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča*. Text and Commentary / ed. A. E. Pennington. Oxford, 1980.
- Kunisch J. Über den Epochencharakter der frühen Neuzeit // E. Jäckel, E. Weymar (Hrsg.) // *Die Funktion der Geschichte in unserer Zeit*. Karl Dietrich Erdmann zum 29. April. Stuttgart, 1975. S. 150–161.
- Longworth Ph. *Alexis – Tsar of All the Russians*. N. Y., 1984.
- Luhmann N. Das Problem der Epochenbildung und die Evolutionstheorie. // *Epochenschwellen und Epochenstrukturen im Diskurs der Literatur- und Sprachtheorie*. Frankfurt a/M., 1985. S. 25–26.
- Mieck I. Periodisierung und Terminologie der Frühen Neuzeit. Zur Diskussion der beiden letzten Jahrzehnte // *Geschichte in Wissenschaft und Unterricht*. 1968. 19. S. 357–373.
- O'Brien C. B. *Early Political Consciousness in Muscovy: The Views of Juraj Križanić and Afanasij Ordin-Nashchokin*. Juraj Križanić (1618–1683): Russophile and Ecumenic Visionary. A Symposium. Ed. Th. Eekman, A. Kadić. Den Haag ; Paris, 1976. P. 209–222.
- O'Brien C. B. *Muscovy and the Ukraine. From the Pereiaslavl Agreement to the Truce of Andrusovo, 1654–1667*. Los Angeles, 1963. (University of California Publications in History; 74).
- O'Brien C. B. *Russia and Eastern Europe: The Views of A.L. Ordin-Nashchokin* // *JGO*. 1969. 17. P. 369–379.
- Philipp W. *Altrußland bis zum Ende des 16. Jahrhunderts* // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1983. 33. S. 19–61.
- Philipp W. *Entwurf einer religionsbezogenen Epochengliederung der russischen Geschichte* // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1983. 33. S. 9–18.
- Rauch G. V. *Pastor J. G. Gregorii und Rußland. Ein vergessenes Gedicht vom Jahre 1667*. Archivalische Fundstücke zu den russisch-deutschen Beziehungen. Erik Amburger zum 65. Geburtstag. Berlin, 1973. S. 1–5.
- Scheidegger G. *Perveres Abendland – barbarisches Russland. Begegnungen des 16. und 17. Jahrhunderts im Schatten kultureller Missverständnisse*. Zürich, 1993.
- Schulze W. *Einführung in die Neuere Geschichte* 2. verb. Aufl. (UTB, 1422). Stuttgart, 1991.
- Skalweit St. *Der Beginn der Neuzeit. Epochengrenze und Epochenbegriff*. Darmstadt, 1982.
- Torke H.-J. *Aleksej Michajlovič 1645 – 1676* // *Die russischen Zaren*. München, 1995. S. 108–127.
- Torke H.-J. *Altes Moskau und neues Rußland unter Aleksej Michajlovič nach 1649* // *Handbuch des Geschichte Rußlands*. Bd. 2, Hbd. 1/ (HGR. 2/1). S. 97–122.
- Torke H.-J. *Autokratie und Absolutismus in Rußland – Begriffsklärung und Periodisierung* // *Geschichte Rußlands in der Begriffswelt ihrer Quellen*. Festschrift zum 70. Geburtstag von Günther Stökl. Stuttgart, 1986. S. 32–49. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa ; 26).
- Torke H.-J. *Der Durchbruch der Neuzeit unter Fedor und Sofja (1676–1689)* // *Handbuch der Geschichte Rußlands*. Bd. 2 : 1613–1856. Vom Randstaat zur Hegemonialmacht, Hbd. 1. (HGR 2/1). Stuttgart, 1981–1986. S. 152–182.
- Torke H.-J. *Die staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich. Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung 1613–1689*. Leiden, 1974. (Studien zur Geschichte Osteuropas ; 17).
- Torke H.-J. *Staat und Gesellschaft in Rußland im 17. Jahrhundert als Problem der europäischen Geschichte* // *HGR*. 2/1. S. 200–212.
- Torke H.-J. *Zum Epochencharakter des 17. Jahrhunderts in der Geschichte Rußlands: 1. Die innere Lage* // *HGR*. 2/1. S. 10–13.
- Torke H.-J., K. Zernack. *Forschungstendenzen* // *HGR*. 2/1. S. 24–36.
- Torke H.-J. *Razin-Aufstand* // *Lexikon der Geschichte Rußlands*. München, 1985. S. 314–315.
- Torke H.-J. *The Unloved Alliance : Political Relations between Muscovy and Ukraine in the Seventeenth Century. Ukraine and Russia in Their Historical Encounter* / ed. P. J. Potichnyj [et al.]. Edmonton, 1992. S. 39–66.
- Troebst St. *Isfahan-Moskau-Amsterdam : zur Entstehungsgeschichte des moskauischen Transitprivilegs für die Armenische Handelskompanie in Persien (1666–1676)* // *JGO*. 1993. 41. S. 180–209.

Uroff B. Grigorii Karpovich Kotoshikhin, On Russia in the Reign of Alexis Mikhailovich: An Annotated Translation : Ph. D. Thesis / Columbia University. N. Y., 1970.

Walder E. Zur Geschichte und Problematik des Epochenbegriffs „Neuzeit“ und zum Problem der Periodisierung der europäischen Geschichte. Festgabe Hans von Greyerz zum sechzigsten Geburtstag 5. April. Bern, 1967. S. 21–47.

Weickhardt G. D. Kotoshikhin: An Evaluation and Interpretation // Russian History. 1990. 17. S. 127–154.

Welke M. Deutsche Zeitungsberichte über den Moskauer Staat im 17. Jahrhundert // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. S. 264–286.

Wittram R. Peter I. – Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Bd. 1. Göttingen, 1964.

Wittram R. Peter der Große. Der Eintritt Rußlands in die Neuzeit. Verständliche Wissenschaft, 52. Berlin ; Göttingen ; Heidelberg, 1954.

Wójcik Z. Traktat andruszowski 1667 roku i jego geneza. Warszawa, 1959.

Wójcik Z. Między traktatem andruszowskim a wojną turecką. Stosunki polsko-rosyjskie 1667–1672. Warszawa, 1968.

Zernack K. Zum Problem der Geschichte Rußlands in der Frühen Neuzeit // HGR. 2/1. S. 1–7.

Zernack K. Polen und Rußland // Zwei Wege in der europäischen Geschichte. (Propyläen Geschichte Europas. Ergänzungsband). Berlin, 1994.

Zernack K. Die Expansion des Moskauer Reichs nach Westen, Süden und Osten von 1648 bis 1689 // HGR. 2/1. S. 122–152.

Статья посвящена проблеме периодизации, а именно переходу от старомосковского царства к Российской империи Нового времени. Автор задается вопросом, что отличает эпохальные события и даты от иных, таковыми не являющихся, и приводит ряд фактов – Андрусовское перемирие, реформы А. Л. Ордина-Нащокина в экономической и политической жизни, новации Симеона Полоцкого в литературе и изобразительном искусстве, раскол Русской православной церкви, восстание Степана Разина, – чтобы показать, что на этот (1667) год приходится сплетение факторов политического, общественного, культурного, экономического и иного характера, свидетельствующих о начале качественно нового отрезка в русской истории.

Ключевые слова: 1667 год; Московское централизованное государство; Андрусовское перемирие; раскол; реформы А. Л. Ордина-Нащокина; новации Симеона Полоцкого; восстание Степана Разина.

Stephan Troebst (Штефан Трёбст), prof.

Germany, Leipzig

Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur

Ostmitteleuropas an der Universität Leipzig

troebst@uni-leipzig.de